

(ПП: идиома, описывающая хаотичную ситуацию)

Услышав слова матери, Цинь Хэ едва не расхохотался. Оказалось, в этом мире и правда бывают люди, одновременно и жадные, и глупые! К счастью, сегодня вместо прежнего хозяина тела был он, а то интересно, что бы тот сейчас чувствовал?

Он пару раз моргнул, прогоняя насмешку из глаз, и на лице появилась наигранная растерянность и невинность.

— А, матушка, ты о чём? Какая ещё баранья нога? Я что-то не понимаю, — нарочно прикидываясь незнающим, спросил он.

Если кто и беспокоился об отсутствии бараньей ноги больше, чем мать Цинь, то это Цинь Пин. Она подскочила, дважды заглянула в корзину, и, не увидев желаемого, с яростью швырнула её на пол. Её глаза сверкнули ядом, будто отравленные стрелы метнулись в сторону Цинь Хэ. С ненавистью в голосе она закричала:

— Ты не понимаешь? Если уж ты не понимаешь, то кто тогда поймёт?! Разве вчера ты не ходил в город? Не покупал ткань, вату, не ел бараньи колбаски, ребра и лепёшки с мясом? Не покупал целую баранью ногу?!

Цинь Пин взорвалась, как связка петард, треща без остановки, напрочь забыв даже о том, что рядом стоит устрашающий Ша-шэнь - Куй У. Незнающий человек, увидев такую сцену, мог бы подумать, что Цинь Хэ с Куй У вырывают изо рта голодных мясо, которое должно было спасти им жизни.

Прямо на глазах у Куй У кто-то вот так притесняет его фулана? Тогда что бы было, если бы его не было рядом? Или если бы Цинь Хэ вообще не стал его супругом? Разве они бы не перешли все границы?

Куй У сжал кулаки и уже собрался выступить вперёд, но Цинь Хэ резко схватил его за запястье и, встретившись с его взглядом, покачал головой. Он пришёл сюда сегодня не ради достоинства, и тем более не ради семьи Цинь. Он вернулся ради умершего прежнего хозяина этого тела. Цинь Хэ хотел разложить всё по полочкам, заставить родителей прежнего владельца выслушать его и получить за него справедливость хотя бы на словах, чтобы успокоить его душу. А для себя самого это был способ расставить все точки над *i*, раз и навсегда отделиться от прошлого. Пути их больше не пересекутся, никаких чувств между ними не останется.

Куй У с трудом подавил гнев, хоть эта обида и встала поперёк горла - не проглотить, не выплюнуть. Но раз у Цинь Хэ были свои намерения, он решил сдержаться.

— Было такое, — коротко и твёрдо ответил Цинь Хэ. Одна единственная фраза прозвучала настолько резко, что все в комнате замерли, растерянно уставившись на него, будто не

расслышали, что он только что сказал.

Цинь Пин ожидала, что Цинь Хэ может отреагировать по-разному - прикинуться дурачком, сделать вид, будто не понимает, или просто всё отрицать. Но никак не ожидала, что он так прямо и спокойно признается. На миг она даже растерялась, не зная, что сказать. Гнетущую тишину нарушил девятилетний Цинь Гуань, который вдруг завопил:

— Я хочу мяса! Я хочу баранину! — визжал он, не сводя жадных глаз с Цинь Хэ.

Цинь Хэ вдруг мягко усмехнулся:

— Ну так ешь. Попроси у мамы, пусть купит. Сто восемьдесят вэнь за цзинь, дорого, конечно, но, думаю, семья Цинь может себе это позволить.

Цинь Пин наконец очнулась, лицо её перекопилось от злости.

— Цинь Хэ, ты прикидываешься, будто не понимаешь! Ты же прекрасно знаешь, о чём речь! Вы с мужем купили целую ногу барана, и ты даже не подумал о том, чтобы принести часть родителям? Родители вырастили тебя, разве это не требует благодарности? Вот так ты платишь за всё?

— Хэ-эр, — вмешалась мать, — мы с отцом вырастили тебя, это было непросто. Вы с зятем купили целую ногу барана. Мы ведь не просим всего, но хоть половину-то можно было бы отдать родителям? — она смотрела на него с укором, в глазах разочарование и мнимая горечь, будто её сердце только что разбили.

— К слову сказать, — продолжила мать Цинь, — мясо... Ладно, об этом я могу и не спорить. Допустим, ты ещё молод, не понимаешь приличий, просто не сдержался, проголодался, вот и съели вы всё мясо. Но... как быть с делами твоей второй сестры?

Мать Цинь уставилась прямо на Цинь Хэ, не сводя с него глаз, явно ожидая, что он сам что-то предложит - заговорит, раскается, предложит компенсацию. Но Цинь Хэ снова её разочаровал: он молчал, даже не дрогнул.

— Хэ-эр, — уже строже произнесла она, — твоя сестра ведь выходит замуж раз в жизни, а ты её брат. Так хоть раз прояви себя, добавь немного к приданому, это ведь вполне естественно. — она всё ещё думала, что баранину Цинь Хэ с мужем уже успели съесть и теперь требовать её без толку. Но если не мясо, то можно хотя бы вытянуть немного денег.

— Я же не прошу многого, — продолжила она, — заплати за те несколько чи ткани, что купила Цинь Пин. Считаю это как братский подарок к её свадьбе. И как проявление сыновнего почтения нам с отцом.

Цинь Хэ не стал даже отвечать ей и повернулся к отцу. Отец Цинь считался в семье главой, хотя делами дома почти не занимался, в том числе и воспитанием детей. Возможно, именно по этой причине у прежнего Цинь Хэ к нему оставались тёплые чувства - он видел в нём фигуру справедливую и достойную уважения.

Только вот, — подумал Цинь Хэ, просматривая воспоминания первоначального владельца тела, — если смотреть со стороны, этот отец вовсе не был никакой строгой, справедливой фигурой. Он безответственный, слабохарактерный, бесполезный трус.

Даже если просто ради последней памяти о прежнем Цинь Хэ, он всё же спросил:

— Отец, а ты как считаешь?

— Хэ-эр, в этом ты, конечно, поступил неправильно, — ответил отец, — пусть всё будет, как говорит мать.

Он был главой семьи. Сказал своё слово и всё. Его решение окончательное: виноват Цинь Хэ, платить ему.

— Ха... — не сдержавшись, Цинь Хэ усмехнулся, хрипло и холодно.

Он взглянул исподлобья, голос его прозвучал с ледяной холодностью:

— Скажите на милость, мы себе домой купили баранью ногу, так с чего ради мы должны отдавать её семье Цинь? Не надо только говорить, что Цинь - это семья моей матери. Так, по-вашему, родня Куй - семья по линии мужа, и мы и туда должны отнести по куску?

Мать Цинь хотела возразить, мол, это совсем другое дело, но Цинь Хэ не дал ей и рта открыть, продолжил:

— Если так рассуждать, то выходит, стоит нам купить что-то получше, так сразу надо нести и тем, и этим. А нам тогда что останется? Что мы будем есть? Выходит, ты хочешь, чтобы мы с Куй У вдвоём кормили обе семьи на десяток с лишним ртов?

Мать Цинь тут же возмутилась:

— Эй, это ты уж как-то перекрутил! Кто это тебе сказал, что мы хотим, чтобы вы нас кормили? Что ж, выходит, теперь и кусок мяса принести родителям - значит будто вы нас содержите?

— Вы не просите вас содержать, — холодно усмехнулся Цинь Хэ, — но как только увидите, что мы что-то купили, сразу хотите, чтобы и вам досталось! Увидели, что мы купили баранину - требуете принести её в дар родителям. Увидели, что мы купили хлопок с тканью - сразу

вспомнили о приданом для Цинь Пин. А если не дадим, значит, мы неблагодарные дети, да?

— Ну ведь вы же не принесли мяса, — замялась мать, — ткань или мясо, хоть что-то одно дайте. Я ведь не говорю, что нужно оба!

— Значит, ты считаешь себя ещё и очень рассудительной? — голос Цинь Хэ стал ледяным. — А ты хоть раз интересовалась, как другие родители ведут себя со своими детьми? Когда у тех случаются лишние траты, они пытаются вразумить, наставить, чтобы те научились жить с умом, сберегали деньги, не сорили ими. А вы? Всё, что вы видите - это то, что я купил, но не вам. И это вы тут же называете „непочтительностью»!

— Ну ты ж уже всё купил, что мне было говорить? Сказала бы, ты ж всё равно не вернёшь! — пролепетала мать Цинь.

— А вот почему ты не подумала сказать: „Сын, в следующий раз не трать столько, лучше сбереги на хозяйство“? Почему вместо этого ты просто потребовала отдать дорогущую ткань Цинь Пин?

— Так ведь она замуж выходит! — воскликнула мать. — Ты же её старший брат, положено добавить к приданому. Раз в жизни такая пора, ну потратил бы чуть больше, разве это чересчур?

— Чересчур? — голос Цинь Хэ был холоден, как декабрьский лёд. — И ты ещё смеешь говорить это вслух! Когда речь шла о возврате аренды за поле Куй У, вы не захотели платить, и Цинь Пин подбила вас выставить меня как плату! Я выполз из реки, с лихорадкой валялся при смерти, а вы даже пожалели денег на лекарство и всё равно засунули меня в свадебный паланкин. А что тогда сказала Цинь Пин? „Лишь бы не умер у нас дома, а если умрёт у Куй У, значит, это он не досмотрел, к нам претензий нет!“

— И вот так раз за разом! Вы даже моей жизнью не дорожили, а теперь смеее требовать от меня почтительности? Хочешь, чтобы я давал приданое той, кто меня на погибель толкнула? Как ты вообще смеешь говорить такое?

— Нет, нет, это не так! — лицо матери Цинь то бледнело, то зеленело. — Когда у тебя была лихорадка, мы не бездействовали! Я дала Цинь Пин пять вэней, чтобы она пошла и взяла жаропонижающее!

Лишь одну дозу, всего на пять вэней. И даже не подумали пригласить лекаря, просто решили, что раз дали хоть одно средство и на том спасибо. Но ведь предыдущий владелец тела именно от этой лихорадки и умер! Даже в такой критической ситуации семья Цинь не считала нужным вызвать врача, посчитав, что лекарство - это уже великое милосердие.

Мать Цинь в панике схватила Цинь Пин за руку:

— Цинь Пин, скажи! Скажи, ведь я правда дала тебе те пять вэней на лекарство, так?

Цинь Пин отвела взгляд, глаза ее бегали туда-сюда, губы дрожали, но ни одного внятного слова она выдать не могла. В этот момент даже мать Цинь поняла - что-то тут нечисто. Она вдруг осознала: да, она ведь действительно дала Цинь Пин те пять вэней... Но та вовсе не купила на них лекарство. Она их присвоила.

— Я... я... — Цинь Пин жалобно посмотрела на Ли Чанфу, в надежде на его защиту.

Но Ли Чанфу вдруг почувствовал, как в груди поднимается зловещее предчувствие. Он вспомнил: как-то раз Цинь Пин пришла к нему вся улыбочивая, нежная как вода, и даже принесла две мясные булочки. Каждая стоила по три вэня, как раз пара на пять и выходит.

Онемев от ужаса, он вдруг понял, что съел за эти пять монет... Съел цену жизни Цинь Хэ.

Лицо Ли Чанфу перекошилось, он весь позеленел, глядя на Цинь Пин, будто она тогда угостила его булочками не со свиной, а с человеческой.

— Ты... ты змея, ты ведьма! — выкрикнул он срывающимся голосом. — Ты потратила деньги, на которые можно было спасти жизнь твоему брату, чтобы купить мне... чёртовы булки! У тебя что, сердце из камня сделано?!

Он говорил, и с каждым словом лицо его искажалось всё сильнее, в нём бушевали гнев и отвращение:

— Ты же обещала мне, что уговоришь брата пойти ко мне наложником! Сама говорила, вы с братом перейдёте в мой дом, и всё у нас будет мирно и счастливо, что вместе будете служить мне, как одна семья. А на деле... ты тогда уже всё подстроила. Обманывала меня, травила его за спиной, да ещё и скрывала всё это от меня! Ты... ты же просто чудовище!

История с Цинь Хэ уже гремела на всю округу, но Ли Чанфу действительно ничего не знал. В то время он был целиком погружён в учёбу, предан книгам мудрецов, и вовсе не интересовался внешним миром. К тому же семья Ли то ли умышленно, то ли по неведению скрывала от него правду, а Цинь Пин и вовсе сознательно вводила его в заблуждение. Лишь после того, как Цинь Хэ уже выдали замуж, Ли Чанфу узнал об этом. Иначе он бы точно не согласился и устроил скандал.

— Почему это я жестокая?! — Цинь Пин поняла, что её вывели на чистую воду, и решила разбить горшок - раз уж всё рухнуло, можно и выговориться. — Это ты меня вынудил! У тебя в глазах был только он! Если бы я и вправду с ним вместе вошла в твою семью, разве у меня был бы хоть малейший шанс?! Он всего лишь шуангэр, даже неизвестно, сможет ли он родить! А ещё может испортить твою карьеру. А я? Я - девушка, я могу родить тебе сыновей, не стану помехой твоему будущему. Чем я хуже него? Почему ты так влюблён в него, почему не можешь хотя бы взглянуть на меня?!

Но теперь, чем дольше Ли Чанфу смотрел на Цинь Пин, тем больше ощущал отвращение. Она стала ему до омерзения неприятна, уродлива до глубины души. Он никак не мог поверить, что всё это время Цинь Хэ был невиновен. Что он ни разу не предал его. Что вся ложь - дело рук Цинь Пин. Она даже не побоялась лишить Цинь Хэ возможности спастись от горячки, и под шумок, пока тот был в бреду, насильно затолкала в свадебный паланкин.

Разве это не означает, что сам Цинь Хэ изначально и не хотел выходить за Куй У? Именно поэтому семья Цинь и пошла на такой отчаянный шаг?

Да, точно так и было!

В глазах Ли Чанфу вспыхнул странный огонёк одержимости, словно смертельно раненый человек вдруг перед самой кончиной обретает ясность разума. Он резко бросился к Цинь Хэ:

— Брат Цинь, я не знал, правда не знал всего этого! Я с самого начала любил только тебя! Если бы я узнал, что Цинь Пин замыслила такую подлость, я бы ни за что не позволил ей осуществить задуманное! У тебя ведь тоже есть ко мне чувства, да? Пойдём со мной! Я вернусь домой и попрошу родителей за нас заступиться. Я женюсь на тебе, и ты станешь моим вторым супругом! Клянусь, я никогда не стану упрекать тебя за утраченную невинность!

Цинь Хэ, глядя на Ли Чанфу, который сам себе сочинил и сыграл трагедию, почувствовал, как по коже пробежал холодок от волны отвращения.

Но как ни странно, кое-кто от этих слов проникся ещё сильнее. Цинь Пин, услышав эти речи, с перекошенным от ярости и зависти лицом, пронзительно завизжала:

— Я - твоя настоящая невеста! А он всего лишь грязн...

Но договорить она не успела - раздался пронзительный, до предела наполненный ужасом визг.